

ЖИВОЙ ОГОНЬ

"ЗДЕСЬ ВСЁ СДЕЛАНО ИЗ ВОДЫ.
ДАЖЕ СЕРДЦА..."

Olga OZ

Ольга Захарина

Живой огонь

<https://litres.ru/74265638>

SelfPub; 2026

Аннотация

В этом мире всё не так. Всё сделано из воды и люди тоже. Прагматичные, рациональные, объединенные профессиональными кланами, не знающие семейных привязанностей, они живут из века в век, не чувствуя, что им чего-то не хватает. Вот только очень редко среди них появляется человек, в крови которого горит настоящий огонь.

Что принесёт такой человек в мир: новые невероятные возможности или огромную беду? Сможет ли кто-то понять его, или он обречён на бескрайнее одиночество?

Содержание

1. Правильное время	4
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Ольга Захарина

Живой огонь

1. Правильное время

Она пришла к нему за часами. К нему, лучшему мастеру в округе многие приходили именно за этим: приручить время, поставить его себе в услужение, обозначить ему рамки и провести черту. Он мог это сделать и охотно делал для других, давно и прочно вымуштровав собственные часы и минуты. Мастер был высок и носил костюм цвета эбенового дерева и неперменные перчатки в тон костюма. Его воротнички и манжеты могли освещать полутемные залы, ботинки отражали небо, а прозрачные серебристые глаза блестели также строго, как полумесяцы стеклышек в его очках. Взглянув на его лицо, любой подумал бы, что он был суров во всем и всегда, а особенно в том, что касалось чудес и подобных им бессмысленных безделиц. Но, посмотри он в другую минуту, когда мастер был занят своим любимым делом, то поразился бы, насколько вдохновенным, трепетным и увлеченным бывает тот, кто, казалось бы, улыбается только по праздникам.

В специальной глубокой кювете длинным ковшом с удобным носиком он мешает часы и минуты: крошечные золотые зазубренные шестерни, стрелки-ключи и кружочки ка-

пель-секунд. У него их много, и он безошибочно выбирает самые лучшие для своей новой посетительницы, сверкая как прицелом стеклышками очков. Выбранные элементы времени отправляются на черный бархатный ложемент, где будет твориться волшебство. Конечно, это метафора. Все мы взрослые люди и давно знаем, что никакого волшебства в природе не существует, только мастерство. И мастер смешивает часы и минуты, переставляет их, выравнивает и раскладывает в четкую линию. Теперь не хватает носителя, вещества, которое бы их закрепило и не давало своевольным частицам времени разбегаться с неудобной и непредсказуемой скоростью. Он достает из под прилавка небольшой плоский ящик из орехового дерева с прозрачной крышкой, осторожно водружает его на столешницу и открывает крышку маленьким потертым ключиком. В ящике хранятся тонкие прозрачные листики, поблескивающие и бросающие цветные блики. Они похожи на очень тонкие и слишком прозрачные витражи, каких никогда не вставляют в окна. Они похожи на крылышки стрекоз и мух, если бы стрекозы были сделаны из опалового стекла.

– Капельки радуги! – восхищается клиентка и легко хлопает в ладоши, от чего ее волосы взлетают и мастер замирает на миг, ослепленный их переливами и сиянием. Потом моргает, кивает строго и даже угрюмо и четко продолжает свою работу.

Выбирает самые изящные и прочные, отливающие сине-

вой и лазурью, крылышки. Десять штук, как часов в дне и ночи, как месяцев в году, как лет в цикле. Темные перчатки цвета эбонитового дерева кажутся грубыми и неуклюжими рядом с этой хрупкой красотой, но пальцы мастера действуют нежно и уверенно. Он соединяет фрагменты будущих часов, часы, минуты, секунды золотистыми тускло поблескивающими букашками цепляются за прозрачные крылышки, не нарушая ту идеальную выверенную последовательность, которую им назначили руки мастера. Стеклышки соединяются одно с другим, закручиваясь в спираль, которая назначит ход времени. И вот на темной, поблескивающей шоколадом ладони, выстраивается прозрачный переливающийся под светом винт. Теперь дело за кофром, в котором эти часы будут храниться.

Из чего бы его сделать? В поисках ответа мастер окидывает свою лавку взглядом и снова замирает, касаясь им будущей хозяйки часов. Она стоит неподвижно, подавшись вперед всем телом, и, кажется, даже не дышит. Темная ткань скрывает ее тело, но он видит струящееся великолепие ее волос, слишком ярких, чтобы существовать по-настоящему. Тайное пламя, живущее в лучшем янтаре, сгусток заката на поверхности моря. И за этим так сложно, почти нереально взгляду коснуться ее лица. Но сейчас, когда она замерла в восхищении творящимся перед ней чудом, это возможно. Может, только сейчас. Увидеть приоткрытую нежность губ, распахнутые, как окна весной, глаза с темной изумрудной

мглой – мягкой влагой лесного пруда, почти прозрачную кожу, слишком хрупкую, как лунный луч, чтобы касаться того, что живет и движется на земле днем, золотые точки на ней – пыльцу цветов или, наверное, это веснушки, все-таки. Секунду или две, или три, – одну маленькую тягучую вечность он позволяет себе просто смотреть на нее, не вспоминая, кто он и где, и зачем, не вспоминая даже о дыхании. Как ложка меда этот момент растворится в плеске и множественных перекатах дней. Но сейчас он яркий, терпкий и такой настоящий, так захватывающий все его существо, что ему почти больно ощущать его всем собой, этот момент.

Потом он отворачивается. Потому что уже знает, из каких материалов должен быть сделан идеальный кофр. Потому что материалы эти хранятся в коробках у него за спиной. И потому что он чувствует за собой вину за этот взгляд на нее в тот момент, когда она беззащитна и открыта, поглощена созерцанием времени, которое сделает своим и в которое, наверняка, вкладывает сейчас столько надежд, сколько не выдержит и целый мир. Он знает, точнее, знал раньше, каково это. И поэтому ему неловко. Мастер часов не надеется на время, на будущее или прошлое, – не важно. Он знает, что для него существует только одно сейчас. Потому что он и мастер.

Оборачиваясь снова, он выкладывает на прилавок серебряные спицы и самый прозрачный обсидиан, что хранится у него на особый случай. Обычно для нормальных часов хва-

тает прочного стекла, хрустала, на худой конец. Но здесь случай особый, нужно быть уверенным, что стекло не расплавится, не потечет, как воск, от касания и близости ее волос. Поэтому обсидиан. Он уже побывал в вулкане, что ему теперь? Куб из обсидиановых пластин с ребрами из серебра он скрепляет искусно вырезанными шариками из темного эбонитового дерева. Если их потереть, можно услышать запах, и на пальцах потом останется аромат сладковатой древесной смолы, не похожей на обычное дерево. В шарики вставлено по шлифованному изумруду. Эти камни не смеются блеском, как граненые, а только заманивают, обещают зеленые сполохи на дне, обман и влажный блеск. Он осторожно помещает часы в кофр, они висают в середине прозрачного куба – пойдут, то есть, завертятся, они только, оказавшись в руках хозяйки и услышав ритм ее сердца, – и ставит на место крышку, закрывая ее еще одним крохотным ключиком, который кладет на прилавок рядом с готовыми часами. Теперь всё.

Когда она уходит, поблагодарив (голос у нее тихий, ускользающий, как просачиваются сквозь пальцы кружащие на ветру пушинки, когда пытаешься их поймать), мастер еще долго стоит неподвижно. И кажется, что он смотрит на дверь. Но на самом деле, взгляд его направлен куда-то не туда. Внутрь. И одновременно в уже ушедший момент. За что он непременно отругает себя после. Но это будет потом.

С часами все, может быть, получится. Он – лучший мастер в округе, это всем известно.

Она прижимает часы к груди на ходу и слышит, как они начинают тихонько тикать – это поворачиваются плачущие синими бликами крылышки-осколки, а на них – маленькие золотые элементики времени: ключики-стрелки, часы-шестеренки, капли-секунды.

С ними все точно получится! Уверенно думает она. Теперь все будет хорошо. Не может быть по-другому! Нет-нет, только не у этого мастера. Он такой строгий, что у него и время ходит по струнке, и птицы рядом поют наверняка только гаммы, и даже дышать рядом с ним как-то стеснительно. Она думает об этом, пока летит в блестящей свежей нефтью скорлупке маршрутки. Все будет хорошо. И дома, установив уже привыкшие к ее ритму часы на полке, проводит по странно нежному на ощупь стеклу рукой в лазурной перчатке. Оно почти не дает бликов, зато серебряная ограда старается за всех: за деревянные шары-наконечники, за слегка подмигивающие камушки в них. Что-то есть в них знакомое ей, но она не может понять, сходство ускользает из пальцев сознания, и она расстается с ним почти без сожалений. Красивые часы. Они создадут ей правильное время.

Правильное время, чтобы убить.

Лазурные перчатки мелькают в полутьме. Они не ярче ее волос, но в красновато-сиреневых отблесках гаснущего дня огонь волос выглядит так органично, словно желток, вытекающий из яйца, отколовшийся кусочек заката – солнце все-таки поранилось о землю, выщербив край.

Лица не видно. Никто не видит ее лица, когда она двигается так быстро, так крутится и ускользает, бросается вперед и кружится в танце. Клинка не видно. Он специально такой тусклый, черненный в невнятных разводах, чтобы никто не мог его разглядеть, пока не станет слишком поздно. Хотя она никогда не понимала этой привычки – прятать свои клинки. Но такова традиция и правила клана, с ними ничего не поделаешь.

Блестящая черным лаком лапа скрежещет по стене, удаляя по ней и промахиваясь. Она уже успела отпрыгнуть. Еще один покрытый лаковой броней отросток проносится мимо ее плеча, обдавая ее прохладным мертвым ветерком, и по спине пробегает дрожь. Так близко! Прыжок, кувырок и тут же увернуться, откатиться назад, выставив вперед жало лезвия. Рубануть наугад, промахнуться, отскочить.

Где-то начинается боль. Пока ее собственная. Она что-то дернула, что-то переусердствовало в теле, или приземлилась неудачно. Нет времени разбираться. Нет времени, как это смешно звучит теперь! Но смеяться сейчас было бы не к месту и не ко времени. Все-таки не удержалась. Смешок вылетел бабочкой, выпорхнул из горла однодневкой. Тварь

услышала и бросилась на звук всей длинной бронированной тушей. Пришлось удирать. Срочно, отмахиваясь, но все без результата.

Стена. Она уткнулась в стену, а рядом оказалась другая. И солнце уже село, вот-вот совсем стемнеет и она останется в этой тьме наедине с тварью. Трется о стену хитин, щелкают сочленения. Страх рассыпается по лицу и рукам, иглами вонзается в кожу, чтобы, как яд, просочиться внутрь, до самого сердца. Она закусывает губу и прыгает снова, срываясь в заученный танец смерти. Не вальс, а скорее сарабанда или тарантелла. Да, это вернее в этой ситуации. Клинок глухо лязгает, проскальзывая по броне. Не попала! Еще круг, еще рывок. Боль подкрадывается изнутри, дергая левую ногу, вот где! Она припадает от боли на миг, над головой проносится тяжелый бронированный хвост. Вовремя. Может, еще повезет. Различить тварь в сгущающейся тьме становится все тяжелее, не помогает даже свет ее волос, да и он тускнеет от усталости и боли. И разочарования в себе. Это уже третий рейд. Неужели и сегодня возвращаться с пустыми руками?

Задумавшись об этом, она чуть не пропускает удар, рядом щелкают черные жвалы, в ноздри бьет кошмарный запах давно заброшенного дома. Холодный, затхлый, неживой. Запах запустения. Она отшатывается и падает, спотыкаясь. А тварь не упала, нет. Не нравилось, что уйдешь с пустыми руками – теперь думай, как бы вообще живой убраться.

Вокруг щелкающий и шуршащий монстр, почти невиди-

мый в темноте. Она ощущает движение лап и жвал сверху, справа, слева, везде. Кажется, вся ночь заполнена им, только сзади стена, о которую она ушибла затылок, упав. Клинок мечется в руке наугад, почти не касаясь сознания, только на выучке и рефлексах. И вдруг она видит блик! Нет, уже несколько! Пятнают пластины твари голубыми мазками. Откуда-то пробивается даже слабое сияние. Этого хватает, чтобы вскочить на ноги и рвануть туда, где нет никаких бликов и твари нет. Монстр снова промахивается и издает сипяще-скрежешущий звук – похоже, ему сделали больно. Вот и хорошо!

Обходя тварь по дуге, она видит, кто явился на помощь ей. Дракон. Белая, словно вылепленная из глины, туша светится в темноте голубыми круглыми бляшками – вот откуда спасительное сияние! Пасть дракона мусолит пару конечностей твари – сколько успел ухватить, крылья быют по земле, лапы мелькают, стараясь то ли закогтить, то ли наоборот, отбить удары бронированного врага. Она бросается на подмогу. Вот здесь в голубоватом сиянии видна брешь – стык двух пластин, и клинок разрубает плоть, отсекая одну лапу. Другую. Тварь переходит на визг. Почти не слышный ей, но дракону он очень не нравится. Он отвлекается, а монстр спешит удрать во тьму. Миг она колеблется, а потом летит в погоню, на бегу убеждая себя в победе, из-за чего сияние волос становится ярче. Впрочем, нагоняя тварь, она чувствует спиной приближающийся свет – дракон пересилил свою неприязнь

и следует за ней. Вот теперь все точно будет хорошо!

Спина у него гладкая и мягкая, как замша, хотя вблизи тоже кажется, что он сделан из белой глины. То что он сделан – это наверняка. Она лежит на спине дракона, всем телом прижимаясь к мягкой туше и обняв его за шею. Потому что они летят. То есть, летит, конечно, дракон, а она болтается у него на спине балластом. Пытается не болтаться. Потому что руки еще работают, хотя и вопят о пощаде, а вот ноги уже все – отпрыгали свое на сегодня. А, может, на несколько дней.

Вдвоем с неожиданным помощником ей удалось одолеть эту тварь. Первый рейд за все это время прошел не в пустую. И дракон появился так вовремя, что она отделалась парой ссадин и синяками, а не оттяпанными частями тела или даже жизнью. Это называется удача. Это называется время.

Гладкие, наверное все-таки стеклянные плоски покрывали тело дракона без какой-то явной системы. Они пятнали белую глину голубым светом и нельзя было сказать, что вот это глаза, а тут, например, ноздри. Голем, тем не менее, был не только вполне мягким и подвижным, но и сообразительным. Явно, делал его настоящий мастер. Думать об этом было приятно, хотя она и не могла понять, кто из мастеров такого уровня и зачем захотел ей помочь. Вроде она не знала никого, настолько могущественного, и вообще была ничем не примечательным рыцарем клана. Разве что ее сила виделась в волосах, что вообще-то было такой редкостью, что старший учитель знал всего одно упоминание в древних текстах

о такой специфике организма. Но все равно, думать об этом было приятно. Уж точно приятнее, чем о проносящейся под ними земле и потихоньку слабеющих руках.

К счастью, дракон начал снижаться, закладывая круги, и довольно-таки мягко приземлился на какой-то квадратной плоской крыше с высоким зубчатым бордюром. Больше она рассмотреть не успела, потому что наконец отпустила закостевевшие на шее у голема руки, сползла по мягкому боку на твердые камни и уснула. Очень насыщенный получился день.

Мастер поднялся на крышу сразу, как услышал хлопанье крыльев и топот приземляющегося голема. Осторожно, не желая раньше времени выдать себя, он приблизился к темной фигуре, свернувшейся клубком у светящегося бока дракона. Присел на корточки – фигура никак не отреагировала на его приближение, – всматриваясь. Голубыми полумесяцами сверкнули его очки. Она была жива. И спала. Это все, что удавалось увидеть в тускнеющем свете завершившего свое дело голема. Мастер снял одну перчатку и нерешительно провел голыми пальцами по волосам, спутанным и сейчас еле тлеющим, как затухающие угольки. Они были легкими, очень мягкими и слегка теплыми на ощупь. Голем засыпал и уже почти угас поддерживающий его свет. Хотя

все равно никого больше на крыше не было, и некому было увидеть, как мастер поднимает спящую на руки и несет ее в дом. Улыбаясь так светло, как ни разу не улыбался, даже берясь за любимое дело.

Сегодня он создал очень правильное время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.